

Анна Берсенева

Редкий синтез сюжетной
увлекательности
и прекрасного стиля
ставит автора на особую
ступень в русской
литературе: проза
Берсеновой – лучший
образец изящной
словесности. belles lettres

героиня
второго плана

Анна Берсенева

Героиня второго плана

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9524193

Берсенева, Анна. Героиня второго плана : роман: Эксмо; Москва; 2015

ISBN 978-5-699-80411-5

Аннотация

Сильный характер – несомненное преимущество. Человек должен быть хозяином своей жизни. Эти истины никто не подвергает сомнению. Именно поэтому в свои сорок два года московская художница Майя чувствует себя «женщиной второго плана». Ведь сильным характером судьба ее обделила, она не знает, куда несет ее течение жизни. В этом смысле она удалась в бабушку Серафиму Игуменцеву. Та в своей послевоенной молодости не сумела побороться ни за любовь, ни за место под солнцем. Но бабушка знала: луч счастья может выглянуть из-за туч, когда ты этого совершенно не ожидаешь. А стоит ли на это надеяться Майе?..

Содержание

Анна Берсенева	5
Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	17
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анна Берсенева

Героиня второго плана

/ Анна Берсенева. — Москва : Эксмо, 2015. — 320 с. — (Русский характер. Романы Анны Берсеновой).

ISBN 978-5-699-80411-5

© Сотникова Т.А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Анна Берсенева

Героиня второго плана

Часть I

Глава 1

А все-таки непонятно, что есть красота – сосуд, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде?

Но только в глобальном смысле Майя этого не понимала, в обычном же, относящемся к собственной внешности житейском смысле ей было понятно: если и мерцает в ней что-то, могущее называться красотой, то сосуд, в который заключен этот огонек, закрыт очень плотно.

Но что же, как есть, так есть. Да и не слишком она об этом задумывалась. Так – на мгновение мелькнуло в сознании, как отражение в зеркале, когда выходила из комнаты.

В замкнутом пространстве гостиницы, устроенной в отремонтированной питерской коммуналке, было такое очарование, что даже на улицу выходить не хотелось. Разве что на полукруглый балкон.

С него Майя вчера не могла уйти до позднего вечера – смотрела сверху на Басков переулок и думала о том, что в здешней жизни не было перерыва. Стремительный пушкинский, мрачный достоевский, серебряный, серебряновечный Петербург, раздразнивающий революцию, мертвый ужас блокады – ничто из этого не являлось перерывом между чем-то и чем-то, пустым провалом, все было частью какого-то огромного целого. И все в этой квартире – камин с эмалевыми изразцами, массивный обеденный стол с гнутыми ножками, темный дубовый комод в прихожей – тоже было одно, общее с Басковым переулком внизу и с Невским проспектом невдалеке за домами.

Только Петербург вызывал у Майи такие мысли. То есть если смотреть шире, то не только он, конечно, Париж тоже не казался ей прерывистым, и даже эклектичным не казался, хотя состоял из тысяч разнообразных частностей. Но в России – Петербург единственный. Потому она и любила сюда приезжать.

Завтрак сегодня готовила Ольга Цезаревна, старшая из сестер, которым принадлежала гостиница. С вечера Майя попросила сварить ей кашу, и сейчас, ровно в десять утра, Ольга Цезаревна перемешивала в тарелке сухофрукты перед тем как поставить овсянку на стол. На маленькой плитке перед ней, кроме ковшика с овсянкой, стояла сковородка, на которой потрескивала глазунья, значит, еще не все постояльцы разошлись по своим делам, кто-то просыпается даже позже, чем Майя.

– Хорошо спали, Маечка? – спросила Ольга Цезаревна. – Ветер и ветер день и ночь. Мы-то привыкли, а гости жалуются.

– Я тоже привыкла, – сказала Майя. – Я же всегда в апреле приезжаю.

– Москвичам обычно все не так.

Майя улыбнулась, ничего на это не ответив, и придвинула к себе тарелку. Как она любила эту маленькую гостиницу! Завтрак здесь был настоящим завтраком – из-за вот этой кремовой скатерти с мережкой, и булочек-улиток в сухарнице под кружевной полотняной салфеткой, и тонких фарфоровых чашек с рисунком из бледных роз, и блестящего медного кофейника. Все это, конечно, и дома можно себе устроить, но разве станешь? Что-то наро-

читое есть в тщательном устройстве жизни лично для себя; может, глупо, но Майя думала именно так.

Вечерами за общим обеденным столом можно было сидеть допоздна, читая или рисуя. Скатерть снималась, посередине стола ставилась лампа, такая же медная, как кофейник, и с зеленым стеклом, а ходики постукивали так, что уйти из комнаты, осененной этим мирным звуком, было просто невозможно. Майя считала, что ее работоспособность в Петербурге повышается вдвое именно от того, что так легко ей сидеть над работой допоздна.

– Доброе утро, Арсений Владимирович.

Вот для кого, значит, приготовлена глазунья. Удивительно. Впрочем, вкусы у людей бывают самые неожиданные.

Удивляться вообще-то следовало не тому, что вошедший в столовую постоялец ест на завтрак незатейливую яичницу, а тому, что он вообще поселился здесь. Медный кофейник и зеленая лампа – это, конечно, и стильно, и утонченно, но все же гостиница-то самая простая и нет в ней того лоска, который уважают мужчины в дорогих английских костюмах. Впрочем, взгляд у этого Арсения Владимировича, кажется, вполне интеллигентный.

Пристально рассматривать постороннего человека Майя не стала бы, но в этом и необходимости не было: не только взгляд, но и облик, и наклон головы – все это говорит о человеке так много и так быстро, что даже художником быть не обязательно, чтобы уловить суть.

Он поздоровался с хозяйкой, сказал «приятного аппетита» Майе и сел напротив нее за стол. Ольга Цезаревна поставила перед ним тарелку с яичницей и ушла.

– Кофе? – предложил он Майе.

– Пока не надо, спасибо, – ответила она. – После каши выпью.

– А я с него начинаю жизнь. – Он придвинул к себе кофейник. – Особенно здесь. Всем бы хорош этот город, если бы не погода.

Разговор о погоде отлично подходил к завтраку. Даже не разговор, а реплики. Они составляли такую же естественную часть этой комнаты, как причудливые цветы и птицы на каминных изразцах.

В столовую заглянул Шиша, маленький фокстерьер.

– А, привет!

Арсений Владимирович взял с тарелки розовый кружок колбасы и положил перед Шишей на пол.

– Ольга Цезаревна не разрешает его кормить, – предупредила Майя.

– Ну кусочек, – улыбнулся он. – Такое нечрезмерное существо грех не поощрить.

– Какое-какое существо? – с интересом переспросила она.

– Нечрезмерное. У меня такая же собака была. Порода другая, корги, но характер точно как у Шиши. Никогда ее присутствие в моей жизни не было преувеличенным. И никогда не было недостатка в ее присутствии, когда оно требовалось.

Однако!.. Непринужденно же он перешел от замечания о погоде к такому необычному наблюдению.

– А я скорее кошку завела бы, чем собаку, – сказала Майя. – Но не решаюсь.

– Почему?

– Бывает, что уезжаю. Не то чтобы часто, но все же. Животное не с кем будет оставлять.

Он улыбнулся. Майя поняла, что не ее словам, а какой-то своей мысли. Ей показалось, что его улыбка выглядит слегка смущенной.

– Что вы?

Она тоже улыбнулась оттого, что разглядела его смущение.

– Так. – Он смутился теперь уже явно. – Вспомнил кое-что двусмысленное.

– Если расскажете, двусмысленностью обещаю не возмущаться.

– Да ничего особенного в общем-то. Один мой приятель говорил: проще завести любовницу, чем кошку. С любовницей, если что, расстался, и нет проблем. А с кошкой не расстанешься – ответственность.

Майя засмеялась и сказала:

– Вся суть мужского эгоизма.

– Мужской натуры, я бы уточнил.

– Может, и так.

– Арсений, – представился он.

– Майя.

– Надолго вы в Петербург?

– Завтра уезжаю.

Вопрос прозвучал уже не в том живом тоне, каким он говорил про собаку, а обычно, как и должен звучать дежурный вопрос, ответ на который спрашивающему безразличен. Майя и ответила машинально. Ее овсянка чуть остыла, можно стало есть, и она опустила ложку в кашу.

– А что делаете сегодня вечером? – спросил Арсений.

– Ничего особенного, – пожала плечами Майя. – Читаю, наверное.

Он задал этот вопрос таким же обыкновенным тоном, каким и предыдущий, она и ответила так же машинально. Хотя вопрос был уже не совсем обычный, конечно.

– Дело в том, что у меня есть лишний билет в Мариинку, – сказал он. – Партнеры подарили два, и жаль будет, если пропадет. Как вы относитесь к балету?

К балету в Мариинке Майя относилась прекрасно. Да и кто бы отнесся иначе?

– В таком случае встретимся в половине седьмого у входа? – сказал Арсений Владимирович. – Извините, я должен поесть быстро, опаздываю на переговоры.

– Пожалуйста, конечно. Спасибо за приглашение.

Кофе и яичницу он проглотил с такой армейской скоростью, что Майе стало даже жалко: приятно было бы завтракать неторопливо, разговаривая, отмечая еще какие-нибудь интересные его наблюдения вроде того, о собаках. Но тут же она вспомнила о предстоящей вечером Мариинке и жалеть о прервавшемся разговоре перестала. Театры Майя любила и посещала не так уж редко, но приглашениями в них избалована не была. Да и не только в них – вообще не была она избалована приглашениями куда бы то ни было.

Глава 2

– Честно говоря, больше всего мне понравились старушки.

– Какие старушки? – не поняла Майя.

Балет Баланчина состоял из трех частей, об этом она и спросила Арсения – что ему больше понравилось, «Изумруды», «Рубины» или «Бриллианты». И удивилась его ответу.

– Мне понравилось, что в Мариинке полно старушек, – объяснил он. – В Большом их давно уже помину нет, тем более на балете. А здесь, я поинтересовался, годовой абонемент не безумно дорогой, и все балеты в него входят, и старушки их смотрят. Все-таки Питер сохранил человеческие черты, невозможно не заметить. А вообще «Рубины» красивее всего были, по-моему. Но я в этом не очень разбираюсь.

Старушек Майя и сама заметила – аккуратных, интеллигентных, хрестоматийных петербургских. Да и вся публика сильно отличалась от московской, это правда. Пафоса было значительно меньше, и больше было студентов.

Но вообще-то разница между Москвой и Петербургом давно уже была ею отмечена и осмыслена, поэтому ее скорее заинтересовало то, что Арсению понравились именно «Рубины», самая страстная часть балета Баланчина. И не очень это Майю обрадовало. Это

означало, что ему вряд ли может понравиться она: в ней-то ничего страстного нет, и не только во внешности.

Но разве она рассчитывала на роман со случайным знакомым? Ничуть. Балет был прекрасный, и вечер поэтому получился хороший, и шампанского в антракте выпили, это немало. Потому что жизнь ее в силу профессии и личных обстоятельств протекает так как-то... внутренне, что любое внешнее событие кажется значительным, да таким и является вообще-то.

– Можем сразу взять такси, – сказал Арсений, – а можем и прогуляться, пока не устанем.

Конечно, лучше прогуляться. И ветер успокоился, и до гостиницы не так уж далеко, чтобы устать.

Они шли вдоль канала Грибоедова и разговаривали. О чем обычно разговаривают мужчины и женщина, если они только что познакомились и знакомство оказалось приятным? О приятном и разговаривали: обсудили балет – Ульяна Лопаткина танцевала волшебной! – обменялись сведениями о работе. У Арсения, как Майя сразу и предположила, было свое дело, что-то связанное с программированием, то есть совершенно ей непонятное, а значит, для общего разговора не подходящее.

Когда он узнал, что Майя художница, то сказал о ней слово в слово то, что она минуту назад подумала о нем:

– Я что-то такое сразу и преположил.

– Почему? – спросила она.

– Вы очень интеллигентны. И так, знаете... Именно художественно интеллигентны.

Майя не поняла, чего в его словах больше, одобрения, опаски или еще более нисходящего чувства. Если бы оказалось, что опаски, она не удивилась бы. Лет десять назад мужчины боялись чересчур умных женщин, так как были уверены, что женского ума не бывает без активной независимости, а кому такая женщина нужна. Теперь же качество, которое Арсений назвал интеллигентностью, да еще художественной, – что это в его представлении, кстати? – у большинства мужчин вызывало, по Майиным наблюдениям, уже даже не опаску, а только недоумение или скуку.

Но нет, чтобы он опасался ее или чувствовал в ее обществе скуку, не похоже. Смотрит с интересом, расспрашивает непринужденно.

А она ощущала сейчас то легкое возбуждение ума и настроения, которое и должно было возникнуть от балетного блеска и выпитого шампанского.

– Один мой приятель, – сказал Арсений, – вообще перебрался из Москвы в Петербург. И убежден, что только теперь наслаждается жизнью.

– Чем же он наслаждается в Петербурге?

– Говорит, что абсолютно всем. Сдал квартиру в Чертанове, снял на Фонтанке. Каждый вечер либо в театр идет, либо посещает какое-нибудь литературное собрание.

– А работа?

– Он дизайнер, работа удаленная. Как и у вас, я думаю. Или вы непосредственно в издательстве сидите?

– Я с разными издательствами работаю. Дома.

– Всегда восхищался людьми, которые на это способны.

– Что же в этом восхитительного? – удивилась Майя.

– Что им не скучно наедине с собой, во-первых. А во-вторых, что у них сильная воля. Работать, когда никто не следит и не подгоняет, это не каждый может.

Никакой особенной воли Майя у себя не отмечала. И скучно ей бывало, конечно. Но сидеть с утра до вечера в многолюдном помещении без перегородок или, наоборот, в тесной комнатке – во всех издательствах либо одно, либо другое – тоже не казалось ей таким уж

весельем. И от того, что кто-нибудь стал бы за ней следить или подгонять ее, работалось бы ей не лучше точно.

Но объяснять такие подробности случайному собеседнику Майя не посчитала необходимым.

– Работа как работа, – пожала плечами она. – Иногда книжки хорошие и издатели умные, иногда наоборот. В зависимости от этого работать или скучно, или интересно.

Ничего особенного она вообще-то не сказала. Но странное ощущение возникло у нее вдруг... Из-за слов о работе, самых обыкновенных, она увидела свою жизнь не то что со стороны, но как будто бы вне собственной к ней привычки. И удивление, и едва ли не страх охватили ее. Все, что давно уже стало для нее обыденным, вдруг показалось неправильным и странным.

– Да!.. А что такое Фонтанный дом? – неожиданно спросил Арсений. – Я несколько раз слышал, но всегда забывал выяснить.

– Дворец графа Шереметева на Фонтанке, – ответила Майя. Его вопрос отвлек ее от неуместных размышлений о собственной жизни, и странные ощущения улетучились сами собою. – Ахматова в нем жила перед войной. Там музей теперь. А если с Литейного подойти, то чудесный садик прямо под ее окнами.

– Надо же. Не знал.

Большого интереса в его голосе не слышалось, но они дошли уже до Невского, и Майя все-таки предложила:

– Можем зайти. Там хорошо. На Париж похоже.

– Так уж прямо на Париж! – хмыкнул Арсений.

Про Париж она, конечно, не очень точно сказала. Маленький сад Фонтанного дома похож был только сам на себя, других таких Майя нигде не видела. Просто в нем не было ничего мемориального, его простота была естественной и благородной, потому она про Париж всегда и вспоминала, попадая сюда.

Только на Литейном Майя сообразила, что поздним вечером этот сад скорее всего закрыт. Но не возвращаться же.

Они свернули в подворотню, прошли через обычный питерский мрачноватый двор и оказались перед калиткой Фонтанного дома. Белели в саду под деревьями скамейки, видны были дорожки и памятник Прасковье Жемчуговой, шереметевской возлюбленной. Но калитка была заперта.

– Ну как же жалко! – расстроилась Майя. – Не успели. Но окна светятся еще. Вон те, видите?

Окна ахматовской квартиры светились одни во всем доме. Было что-то пронзительное в этом одиноком свете.

– Когда ее гнобили, она должна была каждые два часа к окну подходить, чтобы соглядатай – он на вон той скамейке сидел, видите, все белые, а она черная, – знал, что Ахматова не покончила с собой, – сказала Майя.

– Зачем это? – хмыкнул Арсений. – По-моему, они были бы только рады, если бы она с собой покончила.

– Да вот и мне непонятно.

Майе понравилось, как он отнесся к ее словам – с полным пониманием. Но о мрачном все же говорить не хотелось. Светлел памятник шереметевской возлюбленной, светлые скамейки мерцали в темноте под весенними деревьями, блестели капли на мокрых ветках, и если приходили при этом в голову какие-нибудь мысли, то лишь самые простые и чистые – например, о том, что же это за капли, остатки вчерашнего тумана, может быть?

Майя вспомнила, как празднично блестели бриллиантовые огни на сцене Мариинки, как тускло поблескивала потом вода в канале Грибоедова, вдоль которого они шли сюда, к

Фонтанному дому, и ей понравилась эта связь. Очень петербургское это дело, связь всего со всем, вот что она подумала.

– А ее муж, Пунин – тот, с которым она в этом доме жила, – знаете что о себе говорил? – вспомнила Майя.

– Не знаю, – пожал плечами Арсений. – Я вообще-то думал, что мужем Ахматовой был Гумилев.

– После Гумилева еще другие были. И вот Пунин о себе говорил: «Я заглядывал под каждые ресницы». Обычно это называют «бегать за каждой юбкой», а он вот как... Так точно и так странно!

Арсений ничего на это не сказал. Взгляд, который он бросил на Майю, был ей непонятен. Хотя, впрочем, ей показалось, что в его взгляде мелькнуло недоумение. Это ее смутило.

Вернулись по Литейному на Невский и все-таки сели в такси. Басков переулок был уже рядом, но весенний холод к ночи сделался совсем промозглым, и хотелось поскорее в тепло, в уют.

За столом в коридоре сидела Нина Цезаревна, младшая сестра, читала какую-то книгу со старыми страницами, и то, как приветливо она поздоровалась, тоже было частью уюта.

Нина Цезаревна предложила разогреть ужин, но Майя с Арсением отказались. Они прошли в столовую, сели за стол, с которого была уже снята обеденная скатерть.

– Сам не голоден и вам не предложил после театра пойти в ресторан, – сказал Арсений. – Только сейчас сообразил, извините.

– Ничего, – ответила Майя. – Есть мне тоже не хочется, а посидеть можно и здесь.

С минуту они молчали. Не от того, что изобретали тему для разговора, и тем более не от неловкости, а просто потому, что думали каждый о своем. Вошла Нина Цезаревна, поставила на стол лампу с зеленым абажуром, включила ее, сказала:

– С вашего позволения я отлучусь. Знакомая в Москву сейчас едет, мне надо с ней кое-что передать. Гости все уже дома, так что дверь я снаружи запру. Но изнутри без ключа открывается, не беспокойтесь.

– И вы не беспокойтесь, – кивнул Арсений. – Мы выходить больше не собираемся.

Снизу из-под абажура падал на поверхность стола не зеленый, а обычный золотистый свет, и древесные узоры играли под ним. Струились, кружились на столешнице срезы годовых колец давнего-давнего дуба, из которого этот стол был сделан.

– А правда, – вдруг спросил Арсений, – что мужчины не различают некоторых цветов? Не дальтоники, а обыкновенные мужчины. Я читал, что у нас не четыре рецептора, как у большинства женщин, а только три.

– Про рецепторы не знаю, – улыбнулась Майя. – А цвета многие мужчины путают, это замечала. Болотный им казался просто серым, фуксия – красным.

– А что такое фуксия?

– Ярро-розовый с оттенком сиреневого.

– Ну, его они, может, и различали, просто не знали, как назвать. А вообще это очень приятно, что вы не удивляетесь неожиданным вопросам, – без перехода сказал он. И уточнил: – Но я не для проверки про цвета спросил, не подумайте. Случайно в голову пришло.

– Я и не подумала. Мне тоже иногда приходят в голову странные вопросы.

«Только обычно некому бывает их задать», – подумала Майя.

– Например, какие?

– Например, я иногда думаю: почему европейские люди так любят Африку?

– Не все.

– Но многие.

– Потому что там много больших и необычных животных, – пожал плечами он.

– Не знаю... – покачала головой Майя. – Мне кажется, этого мало. Не дети же они. И потом, они любят именно Африку, а не африканских животных. Я по своим немецким знакомым замечаю. Это какая-то странная загадка. Во всяком случае, для меня.

– Потому что отношения в Африке свободные, – сказал Арсений.

– Между животными?

– Между людьми. Им этого не хватает, знакомым вашим.

– Этого всем не хватает.

«Он умеет задавать странные вопросы, а я не умею, – подумала Майя. – Вот спросила, и вышло неловко».

Впрочем, Арсений, кажется, никакой неловкости не чувствовал. Во взгляде, которым он смотрел на Майю, был интерес, но только на поверхности, а в глубине его взгляда едва уловимо сквозило безразличие. Она чувствовала и то и другое, и ни то ни другое не казалось ей ни удивительным, ни обидным. Так устроены отношения между людьми, молодость которых прошла. И что бы там ни говорили об изменившихся современных взглядах на возраст, но в сорок два года невозможно чувствовать себя молодой. Да и неестественно, пожалуй.

Его общество ей приятно, но ведь она не может сказать, что знакомство с ним перевернуло ее жизнь? Нет, конечно. Вот когда в девятом классе у них появился новенький и Майя влюбилась в него с первого взгляда, это перевернуло ее жизнь точно. Все ее планы переменялись, она раздумала ехать учиться в Москву, и если бы Борис не уехал через год в неизвестном направлении – его отец был военным, – то неизвестно, как сложилась бы ее жизнь. И тогда она думала, что это совершенно естественно – ставить свою жизнь в зависимость от такой эфемерной субстанции, как мгновенное чувство, и десять лет спустя точно так же она думала, и пятнадцать. А теперь это прошло, и она видит масштаб событий без обманчивых преувеличений. Что и хорошо, наверное.

Ну и он видит все это точно так же. Потому что интерес и безразличие, когда он смотрит на нее, соединяются в его взгляде таким естественным образом.

Ходики постукивали на стене у Майи за спиной. Она обернулась и посмотрела на них.

– Да, поздно, – сказал Арсений. – Мне тоже завтра рано вставать. – И поинтересовался, вставая: – Зачем люди живут, не знаете? Утром чуть свет на работу, вечером бегом с работы и поскорее в кровать, а то перед работой не выспишься.

Он шутил – его иронический тон об этом свидетельствовал. Хотя вопрос, конечно, был трагический.

Глава 3

В гостинице этой Майя всегда жила в последней комнате, за поворотом коридора. Они прошли несколько метров вместе, потом Арсений остановился у своей двери и сказал:

– Спокойной ночи.

Майя тоже пожелала ему спокойной ночи и повернула за угол. Ощущение недоговоренности не оставляло ее, хотя разговор, который они вели весь вечер, не был значительным и его можно было прервать на любой фразе.

Она вставила ключ в замочную скважину, повернула. Вернее, хотела повернуть, но это ей не удалось: в замке что-то хрустнуло, и половина ключа, обломанная палочка с колечком, осталась у Майи в руке.

Этого только не хватало! Она растерянно смотрела на обломок у себя на ладони, на второй обломок, торчащий из замочной скважины, притом торчащий заподлицо, так, что невозможно было даже ухватиться за него, чтобы попытаться вытащить, и понимала, что половину ночи, а то и больше, ей придется провести в коридоре. Сестры Цезаревны, конечно, милые и расторопные дамы, но сколько времени потребуется, чтобы найти среди ночи сле-

саря, и сколько времени он потратит на то, чтобы извлечь из замка обломок, который застрял таким неудачным образом? Что ключ сломался именно неудачно, даже Майе с ее бытовой бестолковостью было понятно.

Но что оставалось делать? Она пошла по коридору обратно, надеясь, что Нина Цезаревна еще не легла и по крайней мере не придется ее будить.

Майе казалось, что идет она тихо, да и пол был застлан ковровой дорожкой. Но когда она проходила мимо комнаты Арсения, дверь открылась, он вышел в коридор и спросил:

– Что-то случилось?

– Да, – кивнула Майя. – Очередная несуразица.

– Почему очередная?

– Со мной они случаются довольно часто.

Он, кажется, совсем не удивился этому сообщению. Видимо, общение с ней наводило именно на такую мысль.

Мама говорила: «Когда я смотрю, как ты режешь хлеб, мне хочется плакать». И была права, как Майя за свою самостоятельную жизнь убедилась.

– И что на этот раз? – бесстрастно поинтересовался Арсений.

– Сломала ключ в замке.

– Давайте посмотрим? – предложил он.

– Давайте, – согласилась Майя.

А вдруг это только ей показалось, что обломок невозможно вытащить? Кстати, она ведь даже не попыталась это сделать. А может, он вытаскивается легко, может, достаточно пилочкой для ногтей его поддеть. Правда, пилочка для ногтей осталась у Майи в комнате, не в театр же ее было брать.

Но нет, бестолковая-то она бестолковая, однако все же не настолько, чтобы не сообразить, что замок испорчен безнадежно, по крайней мере, ничего с ним не сделать без слесарных инструментов.

Именно это сказал Арсений после того как безуспешно попытался пальцами вытащить обломок ключа.

От того, что ему это не удалось, Майя почувствовала что-то вроде разочарования. Красиво было бы, если бы он взял и сразу все исправил. Но тут же она посмеялась над собой, мысленно, конечно. Что вдруг за потребность в дешевых эффектах? И что за доблесть в том, чтобы уметь чинить замки? Для этого всего-навсего надо быть слесарем, а он не слесарь.

– Не беспокойтесь, Арсений, – сказала Майя. – Я разбужу Нину Цезаревну. Жаль, но придется.

– Если она уже вернулась. Она же на вокзал ушла, – напомнил он.

Ах ты!.. В самом деле.

– Ну, подожду ее, – сказала Майя.

Все это были пустяковые мелочи, конечно. Но они ее расстроили. Неприятно, когда вся твоя жизнь состоит из какой-то мелкой ерунды.

Майя пошла по коридору к столовой. Она слышала, что Арсений идет следом. У своей двери он остановился.

– Спокойной ночи, – обернувшись, еще раз простилась Майя. – Извините, что пришлось вас побеспокоить.

– Вы меня не беспокоили, – уточнил Арсений. – Я сам в коридор вышел.

И прежде, чем Майя успела ответить – хотя непонятно было, надо ли что-нибудь на это отвечать, – он вдруг сделал к ней несколько шагов, взял ее за руку и притянул к себе. Не поцеловал и даже не обнял, а вот именно притянул, а потом и прижал к себе, обхватив одной рукой. Майя растерялась – она этого совершенно не ожидала. Но в растерянности

своей все же почувствовала, что он сделал это уже не бесстрастно: его рука у нее за спиной была напряжена и тело тоже.

Майя стояла молча, не зная, что сказать или сделать. Ответить ему каким-либо образом она не могла, не было в ней такого порыва, а обманывать его, что-то порывистое изображая, у нее не было причин, потому что она не строила на его счет никаких планов.

«А почему, собственно? – вдруг подумала она. – Почему ты не строишь на его счет никаких планов? Да это первое, что ты должна была сделать! Ты одинокая женщина за сорок, сейчас у тебя никого нет, тебе встречается приличный мужчина – и ты даже не думаешь, что между вами должны возникнуть какие-нибудь отношения. Ну нельзя же быть такой дурой!»

От сознания своей глупости и лени – да-да, именно лени, как еще это назвать? – Майя почувствовала раздражение. И это чувство, в общем-то неприятное, неожиданно оказалось для нее живительным. Оно пробежало по ее телу, как пузырьки шампанского, ударило в голову возбуждением. Перемена произошла в ней мгновенно, она даже не успела ее осознать.

Но Арсений, видимо, эту перемену заметил. Майя не была так самонадеянна, чтобы подумать, будто он что-то почувствовал, но заметил точно. Или ему просто оказалось достаточно, что она не отстраняется? Ей не очень хотелось в этом разбираться, да, к счастью, и не пришлось: Арсений толкнул дверь, и они вместе вошли в его комнату.

Свет был выключен, но комната освещалась городскими огнями. Как раз когда Майя и Арсений вошли, эти огни промелькнули, пронеслись стремительной стайкой по полу, по потолку, по раскрытой постели.

– Нина Цезаревна не скоро вернется, наверное, – сказал Арсений, снимая с нее плащ. – Зачем же вам ждать за столом?

Майе не понравилось, что он это сказал. Она не ожидала от него каких-то необыкновенных слов, но обыкновенные сейчас звучали все же фальшиво, резали слух. По счастью, то, что он делал, было отдельно от слов и фальшивым поэтому не выглядело.

Арсений подвел Майю к кровати, сел сам, ее усадил рядом с собою. Желание его нарастало, и хотя оно не находило в ней отклика, чувствовала она его отчетливо. Его и нельзя было не почувствовать – в том, как Арсений расстегнул верхние пуговицы на ее блузке, дрожало нетерпение, и оно, несомненно, было страстным.

«Все-таки хорошо, что мужчины устроены иначе, чем женщины», – подумала Майя.

В ней страсть никогда не появилась бы сама собою, а в нем именно так и появилась – изнутри.

Еще она подумала, что таким вот образом мир и движется вперед, пусть в непонятном направлении, но движется с несомненной энергией, а если бы движение мира зависело от нее, то он стоял бы на месте, пока не закис бы и не сошел на нет.

Это была последняя ее отчетливая мысль. Арсений перестал расстегивать пуговицы на блузке и коснулся ладонью ее груди. Ладонь у него почему-то оказалась холодной, как будто они до сих пор стояли над весенней водой или у калитки Фонтанного дома. Прикосновение такой ледяной ладони должно было бы показаться Майе неприятным, но совсем оно ей таким не показалось. Что-то дрогнуло у нее в груди, в животе, между ног, дрогнуло и повлекло ее к нему – вне разума, вне рассуждений, одной только силой желания.

– Вы разденетесь? – спросил Арсений. Тут же он понял, наверное, что такой вопрос должен показаться ей странным, и пояснил: – Я плохо умею со всем этим обращаться и могу что-нибудь испортить, а вам это не понравится.

Майя засмеялась и перестала думать, правильно ли она делает, уступая желанию постороннего мужчины в первый же день знакомства. Она и так почти не думала об этом, но все же, а теперь перестала думать совсем.

– Да, – сказала она. – Да-да.

Из-за смеха ее собственное желание исчезло, но сразу же и вернулось, потому что за окном снова проехал автомобиль, наверное, какой-то длинный, и снова огоньки пробежали по стенам, по кровати и по телу Арсения, а он уже снял рубашку, и в этих трепетных огнях Майе показалось, что он вздрагивает каждым мускулом. Это выглядело необычно и волнующе, притом именно телесно волнующе.

Они легли на кровать. У Майи уже голова кружилась; она не ожидала от себя такого. Ее женский опыт был скуден, поэтому она сразу распознала в себе страсть чуть большего накала, чем ощущала когда-либо прежде.

Хотя, может быть, дело только в возрасте, только в том, что она начала на свой счет беспокоиться, и желание ее подогревается этим беспокойством больше, чем тягой к мужчине, который лежит рядом с нею на кровати.

Они лежали так, рядом, некоторое время. Оно показалось Майе долгим, хотя прошло, наверное, не более полуминуты. Потом Арсений снова коснулся рукой ее груди, его рука была все так же холодна, и влечение, которое опять возникло у нее в ответ на это прикосновение, оказалось таким же сильным, как и в первый раз. Как все-таки странно, что оно вызывается именно холодом его рук! Майя не понимала, почему так.

«А губы? – Это она подумала уже взволнованно и даже смятенно. – Губы у него тоже ледяные?»

Она могла бы просто поцеловать его, чтобы понять это, но ей не хотелось тянуться губами к его губам, раз он этого не делает.

Словно поняв Майины мысли, Арсений сам поцеловал ее. Да, и губы такие же холодные. Весь он ледяной, что ли? Странно! И еще более странно, что это действует на нее возбуждающе.

А он, несомненно, действовал на нее именно так. Она не замечала даже тех мелких и неизбежных неловкостей, которые возникают от того, что приходится и прилаживаться друг к другу, к тому особенному, что есть в каждом, и совершать какие-то обыкновенные, для всех одинаковые действия.

Впрочем, Майя-то никаких собственных действий не совершала – она соглашалась с действиями Арсения, они казались ей разумными, да такими и были, конечно. Она с облегчением вздохнула, когда он дотянулся до своего бумажника, лежащего на тумбочке у кровати, и фольга блеснула у него в руке. Они не дети беспечные, и прекрасно, что он это понимает. Ей не хотелось бы услышать от него какую-нибудь пошлость вроде того, что цветок не нюхают в противогазе.

Да, холод его тела был ей приятен. И его молчание тоже. Ну что он мог бы сказать ей, если бы не молчал? Что она ему понравилась? Это и так понятно, уж наверное, она понравилась ему хоть сколько-нибудь, раз он провел с ней вечер и захотел окончить этот вечер в постели. От произнесения вслух эта мысль не наполнит ее каким-нибудь особым счастьем, но и того, что наполняет ее сейчас, уже немало.

Для чего немало, Майя и сама себе не объяснила бы. Для ощущения полноты жизни, быть может.

Хорошо, что так получилось: и не полная тьма, и яркого света нет, да еще законные огни то и дело стремительно проносятся по комнате. Майя приподняла голову и увидела, как легкая стайка этих огней мелькнула у Арсения по спине. Ей показалось даже, что он почувствовал их – вздрогнул, как от прикосновения. Хотя скорее это его движение было вызвано тем, что Майя наконец обняла его, и не только руками, но и ногами – свела их у него над спиной.

У нее давно не было мужчины, поэтому она ожидала не особенно приятных ощущений. Одно дело – прикосновения рук и губ, они могут быть и возбуждающими, даже и должны они такими быть. Но само соитие физиологично и слишком зависит от простой телесной

привычки друг к другу, чтобы от него можно было сразу же ожидать неземного блаженства. Майя и не ожидала.

Может, ее покорило бы то, как быстро все случилось; после того как они сели с Арсением рядом на кровать и до того как Майя почувствовала его внутри себя, пяти минут не прошло. Торопливо, конечно же, слишком поспешно. Но она только понимала это, умом понимала, а телом отвечала ему, обнимала его, и, значит, то, что он делал, не казалось ей неправильным. А каким казалось?.. Майя не знала. Она ожидала, чтобы это поскорее закончилось, и одновременно сожалела о том, что это вот-вот закончится.

Все это можно было бы назвать бурей чувств, но никакой бури Майя не ощущала. Наоборот, ей было спокойно и даже почти хорошо. Арсений не стал неприятен ей от их неожиданной близости, и хотя она не понимала, что чувствует к нему теперь, но отторжения не чувствовала точно.

Да, первоначальных поцелуев и ласк не было почти совсем, но объятия, слияние, общее движение, прилаживающее тела друг к другу, – все это длилось и длилось. И это заменило Майе страсть, которой она в себе не находила. Во всяком случае, ей было легко и хорошо под этими прохладными плечами, в этих снежных, будоражащих объятиях.

Арсений замер над нею, выгнулся, задрожал, Майя почувствовала, как сводит его плечи... И вдруг она перестала все это понимать, перестала видеть все это со стороны! Это произошло так неожиданно, так сразу, что она не успела даже осознать такую резкую в себе перемену. Она перестала видеть, слышать, чувствовать – все сменилось в ней сплошным разрядом тока. Станным образом длился он и длился в ее теле, пронизывал одновременно и голову, и пальцы ног.

Теперь Майя сжимала плечи Арсения не потому, что ей хотелось его обнимать, а потому только, что не могла разнять руки и не видела, и не чувствовала их.

Их тела последний раз задрожали вместе и замерли. Майя еще чувствовала у себя внутри отзвуки этой дрожи, будто жаркие искры, и ей даже глаза открывать не хотелось, чтобы видимый мир не мешал такому ее ощущению.

Но глаза она открыла, конечно. Лицо Арсения было прямо над нею, в полумраке она не различала его черты, видела только правильно прорисованный силуэт. Ничего не поделаешь с образованием – даже в такой момент мыслишь профессионально! Еще Майя видела, как блестят его глаза. Вероятно, они у него темные, да, темно-серые, она вспомнила. Надо будет лучше рассмотреть их, когда он включит свет.

«Все-таки я слишком подвержена внешнему, – подумала Майя. – Слишком зависима от цвета, света, от всех таких тонкостей. Вряд ли это хорошо».

Но хорошо ей было вне зависимости от собственных мыслей. Телу ее было хорошо, физически радостно. Она не ожидала, что это окажется так.

Арсений поцеловал Майю и лег рядом. Ее удивило, что губы у него по-прежнему такие, будто он только что ел снег с оконного карниза. Ей стало смешно от того, что она так думает. Да и снега на карнизе никакого нет. Апрель, давно все растаяло.

– Спасибо, – сказал Арсений. – Мне было очень хорошо.

Майя промолчала. Она ничего не могла ответить, потому что была, пожалуй, растеряна.

Арсений тоже замолчал. Они лежали рядом, глядя в потолок, по которому волнами, искрами и отсветами проносились огни, и чувствовали себя внутри огромного калейдоскопа, в котором неизвестно какой через минуту сложится узор. То есть, конечно, это Майя так себя чувствовала, а что чувствует Арсений, она не знала.

– Ассирийцы, – сказал он, – считали, что жизнь продлевается на то время, которое человек проводит на рыбалке.

– Почему? – спросила Майя.

– Время на рыбалке не засчитывается во время жизни. Так они полагали.

Он думал о чем-то своем, и это могло бы ее покорибить: все-таки ей хотелось бы, наверное, чтобы он был хоть немного потрясен, выбит из колеи своих привычных мыслей, ей было бы приятно, что близость с нею это с ним проделала. Но то, что он сказал, было так неожиданно и даже заманчиво, что Майя заметила в себе лишь интерес к его словам, а совсем не обиду. Она спросила бы, почему он подумал об ассирийской рыбалке, но ей не хотелось, чтобы он решил, будто она хочет вмешаться в те его мысли, которые он сам не считает нужным ей пояснять.

– Я пойду, – сказала Майя.

Она постаралась, чтобы в ее голосе не прозвучали вопросительные интонации, и, кажется, ей это удалось. Это не было с ее стороны ни обманом, ни кокетством – она в самом деле не хотела, чтобы он удерживал ее. Во всяком случае, не хотелось, чтобы фальшивил, удерживая.

– Куда же ты пойдешь? – сказал Арсений. – Замок чинить долго. Лучше заняться этим с утра.

Нет, фальши в его голосе нет. Майя расслышала бы.

«Остаться?» – подумала она.

Но тут же ей представилось, как она идет в душ, потом ложится в постель снова, засыпает рядом с незнакомым, в сущности, мужчиной... Нет, к этому она не была готова совершенно, и этого ей определенно не хотелось. А если еще представить утреннее пробуждение, след от подушки у себя на лице, не будет же она утром свежа как майская роза... Нет-нет! Этого не надо.

– Все-таки я скажу Нине Цезаревне сейчас, что ключ сломался, – сказала Майя, садясь на кровати. – Вдруг она что-нибудь придумает.

Арсений молчал. Собирая волосы в узел – половина шпилек потерялась, и мелко вьющиеся длинные пряди не удерживались оставшимися, – Майя спиной чувствовала его взгляд. Как он смотрит на ее голые плечи? С вожделением, с разочарованием, с безразличием? Она не понимала.

Она встала, надела блузку, потом юбку. Юбка была кашемировая, поэтому не помялась от того, что упала со стула на пол. Майя эту юбку и любила отчасти за то, что ее не надо было гладить, хотя больше все-таки за то, как драпировалась ткань, какие тонкие оттенки коричневого, песочного, кремового возникали в ее складках в зависимости от того или иного освещения.

Арсений проводил Майю до двери, но в коридор не вышел. Может быть, ему не хотелось, чтобы Нина Цезаревна видела их вместе среди ночи. На пороге он поцеловал Майю, быстро, но не торопливо. Она снова ощутила холод его губ и снова подумала, как это приятно, когда целуют такими губами. Но нельзя ведь сказать, что ей хочется целоваться с ним снова и снова? Нет, нельзя. А значит, это правильно, что она сейчас уходит, и не о чем сожалеть.

Нина Цезаревна уже вернулась. Она заохала, стала извиняться перед Майей – конечно, давно надо было поставить новые замки с хорошими современными ключами, а не сохранять в комнатных дверях какое-то старье, и как же глупо думать, будто старое непременно будет надежным! – и предложила переночевать в свободной комнате, потому что слесаря до утра не найдешь. Это было правильно, Майя и предполагала, что так будет.

Комната, в которую отвела ее Нина Цезаревна, была такая маленькая, что вся состояла почти из одного только эркера. Наверное, когда из квартиры на Лиговке после революции делали коммуналку, то этот закуток отвели какому-нибудь одинокому, но не совсем простому человеку, иначе трудно было объяснить такое странное сочетание тесноты со стеклянной стеной.

Спать совсем не хотелось. Майя подошла к этой полукруглой стене и, не зажигая свет, отодвинула занавеску.

Эркер нависал над козырьком подъезда и напоминал корабль, вырвавшийся из обыденности в какое-то очень далекое плавание. Наверное, такое странное ощущение возникало потому, что от уличного пространства ее колени были отделены не стеной, а только стеклом.

Басков переулок был пуст, даже машины уже не ездили. Майя вспомнила, как мелькали их огни по потолку, по напряженной, вздрагивающей мужской спине... Все вздрогнуло и у нее внутри, непонятно вздрогнуло, она не могла определить почему, но ей было радостно вспомнить это.

Дверь подъезда открылась, человек вышел на улицу. Это был Арсений. Майя удивилась, почти растерялась. Куда он идет глубокой ночью? Это было странно, даже загадочно, даже волнующе. Вот это все – апрельская ночь, блестящий от тумана асфальт, мужчина, которого она полчаса назад обнимала... Необъяснимость была в соединении всего этого здесь, в этом переулке и в этой минуте. Что-то значила эта минута в ее жизни, но что, Майя не понимала.

Арсений повернул на улицу Маяковского и пошел по ней к Невскому. Мелькнула его ровная фигура под одним фонарем, под другим и исчезла в ночном весеннем тумане.

Глава 4

Поездку в Петербург можно было считать удачной. То есть для работы удачной, обо всем остальном Майя постаралась забыть, потому что это остальное, отдалившись всего лишь на день, стало для нее источником беспокойства и недовольства собою.

А с работой все складывалось хорошо. Майе надо было решить, чем она будет заниматься в ближайшие полгода, для того она и приехала в Петербург и встретила в «Зингере», любимом ее кафе в Доме книги на Невском, с директором маленького нового издательства, которое здесь же, в зингеровском здании и расположилось. Можно было, конечно, и по скайпу с этим издателем поговорить, но ей важно было понять, насколько серьезно его предложение – оформлять три книжные серии, одна из которых поэтическая. А понимать такие вещи она умела – ну, приблизительно умела – только в живом разговоре.

– А платить вы за все это собираетесь? – поинтересовалась Майя. – Ваша бескорыстная готовность создавать прекрасное меня, правду говоря, пугает.

– Собираемся, – успокоил издатель. – Что с нами дальше будет, непонятно, но это, знаете, не только про нас непонятно. А эти три серии у нас имиджевые, деньги на них отложены, я вам и аванс заплачу.

Кафе «Зингер», в котором они сидели, само было частью прекрасного, и в слова издателя хотелось поэтому верить. Глупая причина кому-либо доверять, может быть, но так подсказывала Майе интуиция, и она решила, что возьмет этот заказ.

Всю дорогу из Петербурга в Москву она читала стихи первого из авторов, которых предполагалось выпускать, а потом его же рассказы. Очень странный это был автор! Он словно состоял не из одного себя, а из множества собственных сущностей, и Майя не могла понять, что все эти сущности соединяет, хотя соединение это чувствовала очень явственно.

Время от времени она отрывалась от стихов и смотрела в окно на длинные вереницы голых весенних деревьев, мимо которых проносился скоростной поезд. Что-то нищее, утлое и безнадежное было в этом пейзаже, но он впивался всей своей протяженностью прямо в сердце. И не только ей – Майя вспомнила, как Набоков думал, что вернется когда-нибудь в места, где вырос, и разглядит в них что-то непоколебимо верное ему, потому что глаза у него сделаны из того же, что тамошняя серость, светлость, сырость.

Сквозь эти мысли, сквозь законные печальные виды то и дело всплывали воспоминания о том, что произошло вчера. Только стихи оказывались сильнее этих воспоминаний, и Майя поскорее погружалась в стихи снова.

В таком вот настроении, немного задумчивом и немного растерянном, вернулась она в Москву.

По дороге до дома таксист не умолкая нес какую-то чушь про американцев, радио надсаживалось голосами каких-то людей, спорящих о чем-то таком же глупом, как рассказы таксиста. Майе пришлось совершенно отключиться от внешнего мира, а это было ей сейчас некстати: сразу же одолели ненужные мысли.

«Он мог бы попытаться меня хотя бы увидеть, – думала она, глядя, как широким размахом возникает за окном Ленинский проспект. – Это не означало бы, что отношения продолжатся, совсем нет. Но даже не поговорить со мной после всего... Это не то что неприлично – просто слишком красноречиво. Легкая добыча – это про меня. Он так ко мне и отнесся, это очевидно. Мужчины этого не любят, для них быть с такой женщиной – все равно что ловить рыбу в бочке. Из какого фильма эти слова? Забыла. А что он, кстати, говорил про рыбалку? Да не все ли равно! Какие-то сторонние, совершенно посторонние у него были мысли... И я не смогла его от них отвлечь».

Каким же унынием от всего этого веяло! Как от всей ее жизни. А когда такси остановилось и Майя вошла во двор, в подъезд, в квартиру... Ей показалось, что она никуда не уезжала. И что ничего с ней не произошло. Вообще ничего.

Правда, уже через десять минут она подумала, что такое чувство при возвращении домой, может, и неплохо. За то ведь люди и любят свой дом, что в нем растворяется все, что тревожило во внешнем мире, а если это не так, то дом и не дом вовсе.

Майя поужинала – уезжая, оставила в холодильнике йогурт и банан, – потом приняла душ и легла.

Сияющая сцена Мариинки, металлические блики на речной весенней воде, светлые скамейки у Фонтанного дома, вереница уличных огней на полу, на потолке, на постели, на плечах мужчины – все это память выстроила в одну линию. И сразу произошедшее между ней и Арсением сделалось таким же отвлеченным явлением жизни, как весна, и река, и балет.

От этого ее растерянность незаметно перешла в печаль, но печаль уже не то чувство, которое могло бы ее обеспокоить: к печали она привыкла.

Еще с полчаса Майя читала стихи и рассказы этого странного автора с нестранной фамилией Смирнов, потом встала, чтобы налить себе воды, выпила ее, стоя босиком у окна в кухне и глядя на купол света над Донским монастырем.

Она сказала бы себе, что жизнь вошла в привычную колею, но это не было правдой – стоило ей вернуться домой, как стало понятно, что жизнь ее из привычной колеи и не выходила. И, учитывая, как течет жизнь внешняя, это в общем-то хорошо.

С этой мыслью Майя и уснула.

Глава 5

Билеты в Кельн были взяты на следующую неделю. До отъезда Майя сдала в издательство обложки нескольких мистических детективов. Обложки получились слишком, на ее вкус, реалистичными, но редактор, который вел серию, попросил, чтобы они выглядели реальной реальностью, несмотря на демонов и ангелов в качестве главных героев. Объяснил он это тем, что читатель сильно переменялся за последние несколько лет и без реализма книжки не покупает вообще.

– Демоны должны быть похожи на соседей по дачному участку, – сказал он.

Реалистичности ради пришлось придумывать и прорисовывать множество мелких деталей, поэтому Майя сидела дома почти безвылазно, один раз только по кладбищу Донского монастыря прогулялась, да и то чуть не силой себя из дому выдворила, надо же воздухом дышать.

Ей нравилось жить так близко от такого хорошего места, и она благодарна была Мартину за то, что он купил ей квартиру здесь, а не в каком-нибудь спальном районе. Но, гуляя по тихим дорожкам некрополя, она каждый раз хотя бы мельком думала, что все-таки слишком зависит от своих впечатлений, настроений, от каких-то едва уловимых нюансов жизни, и вряд ли это хорошо, вряд ли правильно.

Она закончила работу поздним вечером и решила сразу же выложить обложки на Фейсбук. Вообще-то ее не привлекало бессмысленное плавание в бурливом человеческом сообществе социальных сетей, однако для того, чтобы показывать свои работы, Фейсбук был очень удобен, и немало новых заказов появлялось именно через него. Но заходила она на свою страницу редко, вот, почти две недели вообще там не была.

Первое, что она увидела, открыв Фейсбук, было письмо от Арсения.

«Здравствуй, Майя, – написал он. – Жалею, что не успел увидеть тебя до твоего отъезда. Можем ли мы встретиться в Москве?»

Кровь бросилась ей в лицо. Она не ожидала от него письма. Хотя почему не ожидала? Вполне естественно было найти ее таким образом. Все ведь друг друга так находят, даже люди, которые сорок лет не виделись и на разных материках живут...

И что ее так взволновало? Она не влюбилась в него ни с первого взгляда, ни с первой ночи, и за неделю, прошедшую после встречи с ним, это стало для нее еще более очевидно, чем в ту минуту, когда она стояла в эркере и смотрела, как он идет куда-то по ночной улице. Самым сильным ее чувством к нему было теперь, пожалуй, оскорбленное самолюбие, да и оно не было оскорблено так сильно, чтобы это не давало ей покоя; так, скользила уязвленность по краю сознания.

«Естественно, что я обрадовалась известию от него, – подумала Майя. – Приятно, что человек, с которым ты провела ночь, ну, не ночь, но какую-то часть ночи, – приятно, что он оказался воспитанным. И что он хочет увидеться, тоже приятно. Значит, я по крайней мере произвела на него впечатление».

«Арсений, здравствуй, – написала она в ответ. – Конечно, давай встретимся. Через неделю я уезжаю, так что или до моего отъезда, или когда вернусь».

Майя отправила сообщение, потом зашла на страницу Арсения. Оказалось, что разглядывать там нечего, только фотография и краткие сведения о работе, которые и так были ей известны. То ли он не считал нужным выставлять свою жизнь на общее обозрение, то ли присутствовал на Фейсбуке лишь с прагматичной целью быстрого поиска нужных ему людей.

Он ответил сразу.

«Тогда завтра? Поужинаем вместе. Знаешь ресторан «В небе» на Овчинниковской набережной? Устроит он тебя?»

Все-таки внутренняя, инстинктивная деликатность ему не присуща, иначе нашел бы другие слова. Ну что значит «тебя устроит»? Как будто расплатиться с ней хочет.

Но сразу вслед за этой мыслью пришла другая.

«Зачем придирается к словам? – подумала Майя. – Люди их произносят не думая, просто обозначают ими, что собираются делать. Он собирается поужинать со мной, спрашивает мое мнение о ресторане. Надо его высказать, вот и все».

Она написала, что выбор ресторана предоставляет ему. Хотела было сообщить номер своего телефона, но потом подумала: он ведь не спрашивает... Да и самой ей разве так уж хочется поговорить с ним сейчас? Едва ли она к этому готова.

В следующих двух сообщениях договорились о времени встречи и простились до завтра.

Перед сном Майя снова читала Смирнова. Мир не только в стихах его, но и в рассказах складывался из тысячи подробностей, все эти подробности были мелкие и очень простые, а мир получался огромный и многосложный, и непонятно было, из чего вырастает такой масштаб, и интересно было это разгадывать.

Майя думала об этом, глядя на страницы рукописи, потом вдруг отложила их и, встав с кровати, взяла с книжной полки Ахматову, нашла строчки о Фонтанном доме в «Поэме без героя». Понятно было, почему именно это привлекло ее сейчас: вечер с Арсением стоял в памяти, и ни усталость после работы, ни интересное чтение не могло ее отвлечь.

«Но почему так? Я не чувствую к нему любви. Да и влюбленности не чувствую тоже. А что же тогда?» – подумала она.

И, рассердившись на отвлеченность своих размышлений, сказала вслух:

– Вот завтра и пойму!

Глава 6

Ресторан находился не то чтобы в небе, но все-таки довольно высоко – в самом деле создавалось впечатление, будто он парит над городом.

Столик, за которым сидел Арсений, стоял у стеклянной стены, и, войдя в зал, Майя прежде увидела просторный вечерний пейзаж – Москва-реку, мост в огнях фонарей, высотку на Котельнической набережной – и только потом его.

Она была так взволнована всем, что предстало перед нею – огнями, светящимися над водой и в воде, весенней свежестью реки, которую странным образом чувствовала через стекло, – что это волнение как-то распространилось на Арсения. Или именно встреча с ним так ее взволновала?

– Здравствуй, – сказал он, вставая Майе навстречу. – Хорошо, что мы увиделись.

Все-таки очень неточно он говорит. Как иностранец прямо. Последняя фраза звучит так, будто они либо встретились случайно, либо собираются расстаться навсегда. Хотя, может, говорит он точно, и именно это имеет в виду.

Посередине стола стояла невысокая узкая ваза с разноцветными тюльпанами. Внимание со стороны Арсения обрадовало Майю, но потом она увидела, что такие же вазы с весенними цветами – нарциссами, тюльпанами, гиацинтами – стоят на всех столах, то есть Арсений здесь совершенно ни при чем.

– Какой желаете аперитив? – спросил официант.

Майя выбрала кампари, бросила в бокал малину и клубнику, которые официант принес в стеклянной вазочке... Мелкие дела и действия успокоили ее.

– Не обижайся на меня, – сказал Арсений. – Я действительно хотел увидаться с тобой на завтра. Но ты не появилась в гостинице весь день, а вечером уехала.

Ну да, так все и было. И с чего он взял, что она обижена?

– Почему я должна обижаться? – пожала плечами Майя.

– Потому что с женщинами так себя вести не следует.

Она улыбнулась.

– Что ты? – спросил он.

– Так. Вспомнила. В детстве у меня была книжка «Как себя вести». Очень интересно была написана, и картинки смешные.

– И что? – не понял он.

– Там было только о том, что женщинам следует подавать пальто и пропускать их перед собой в дверях. А потом оказалось, что и это не везде принято.

– Да.

Видно было, что он не понимает, зачем она это говорит. Майя и сама не понимала. Она не чувствовала ничего, кроме легкой неловкости от их сегодняшней встречи и от всей этой истории в целом. Что ж, по крайней мере получила исчерпывающий ответ на вопрос, влюбилась она в него или не влюбилась.

Но встреча в ресторане тем и хороша, что можно заняться выбором блюд, потом едой, и это избавляет от того, чтобы чрезмерно вслушиваться и вглядываться друг в друга, отмечать такие тонкости поведения, каких и замечать-то не надо. И от того, что ты занят разными приятными мелочами, исчезает ощущение, что жизнь проходит мимо.

– Как твоя работа? – спросил Арсений, когда ужин был заказан.

– Хорошо. До отъезда все успела сдать, – ответила Майя. – А то вечно вместо пляжа приходится сидеть в номере и лихорадочно подправлять обложки.

– Ты на море уезжаешь? – поинтересовался он.

– Сначала в Германию.

И дальше, за ужином, они разговаривали в таком вот духе – ни о чем серьезном, ни о чем значимом, зато разговор получается легкий, а это немало.

Выбранное Майей мясо в рябиновом соусе было обведено на тарелке красивым карамельным узором и выглядело как какой-то необыкновенный десерт; об этом тоже поговорили.

Тюльпаны пахли остро и тонко, лепесток одного из них за время разговора отогнулся от цветка и упал в Майин бокал с вином.

– Мне такой лепесток попался на вступительном экзамене по композиции, – сказала она. – Только не лимонного цвета, а розового. С сиреневыми прожилками.

– Надо было его нарисовать?

– Надо было взять его как мотив и от него перейти к платью.

– Почему к платью? – не понял Арсений.

– Я поступала в Текстильный университет. На моделирование одежды.

– Так вот почему ты так одеваешься!

– Как – так? – не поняла Майя.

– Необычно. В театре ты в такой какой-то юбке была... На тебя все женщины оглядывались.

– Может, думали, что за пугало огородное! – засмеялась она.

– Не знаю, что они думали, но смотрели изучающе и завистливо.

Это он в общем-то правильно подметил. Если смотрели завистливо, то, значит, именно на юбку. Едва ли что-либо, кроме одежды, могло вызвать у женщин зависть к Майиной внешности. И хоть мама уверяла, что какая-нибудь четверть необычной крови всегда придает оригинальности, сама она так не считала. С тем, что она выглядит странно, Майя еще согласилась бы, но оригинальность не состоит ведь из одной только странности, для нее нужна еще и простая составляющая красоты. А кто сказал, что выющиеся длинными светло-коричневыми спиралями волосы и узкие, тоже длинные черные глаза – это красиво? Странно, странно, не более того.

– Юбка и правда была оригинальная, – сказала Майя. – Кашемир я в Монголии купила, он там чудесный. А покрасила его сама.

– И юбку сама сшила?

– Да.

Арсений недоверчиво покрутил головой.

– Не думал, что ты умеешь шить.

– Почему не думал? – засмеялась Майя.

– Ну... Это какое-то слишком прикладное занятие. Трудно его с тобой связать.

– Вообще-то да, – кивнула она. – Я, когда в университет поступала, даже нитку в швейную машинку не умела заправить. Но на втором курсе уже надо было отшивать собственные коллекции, и пришлось научиться.

Майя вспомнила, как оставалась после занятий в университетской мастерской одна и, сидя за машинкой до ночи, училась шить. Не то чтобы она была как-нибудь особенно бестолкова, но все же это умение далось ей с трудом.

– Зачем же ты поступила в такой университет? Это не очень понятно, – пожал плечами Арсений.

– Просто художница, которая меня к экзаменам готовила, могла подготовить именно туда. Везде же свои требования, – объяснила Майя. – В Текстильный университет надо было на вступительных рисовать неяркими цветами, приглушенными, грязноватой акварелью. В Суриковский я после такой подготовки не поступила бы. А мне важно было поступить, от этого многое зависело.

Майя замолчала. Ей не хотелось рассказывать Арсению, что зависело тогда от ее поступления и почему, и она не знала, как уйти от ответа, если он об этом спросит.

Но он не спросил. Вряд ли из-за какой-нибудь особенной своей чуткости или из-за внимательности к ее чувствам – во взгляде, которым он смотрел на Майю, выражалась лишь обычная воспитанность, сутью которой является равнодушие.

– Но что же мы все обо мне? – сказала она. – Как твои дела, Арсений?

– Как обычно, – пожал плечами он.

«Будто я знаю, как его дела идут обычно», – подумала Майя.

Он, наверное, и сам так подумал, потому что уточнил:

– В бизнесе у всех сейчас дела плохи. Ну и я сражаюсь с действительностью.

Что ж, ему тоже не хочется рассказывать о себе какие-то доверительные подробности. А ей не так важно их о нем знать, чтобы непременно добиваться от него такого рассказа.

– После Питера был в Америке, – сказал Арсений. – В Вашингтоне. Хорошо там. По городскому парку олени бродят...

– Ты любишь природу?

– Не то чтобы как-то специально природу люблю, но гармонии иной раз хочется, да.

Потом он рассказал, как ходил на концерт в джаз-клуб в Джорджтауне, и что Джорджтаун отличается от других районов Вашингтона – куда более динамичный и молодой, и еще рассказал о музее Хиллвуд, в который не так-то просто попасть, надо заранее записываться.

– Почему? – спросила Майя.

Про музей ей было, конечно, интересно.

– Он небольшой, поэтому, наверное, – ответил Арсений. – Дом и парк. И весь дом русскими картинами, иконами увешан, портретами. Кубок огромный стоит, весь в бриллиантах, Александр Невский вроде бы из него пил перед Чудским озером, венчальная корона царицы, табакерки... Тяжелое ощущение.

– Тяжелое? – удивилась Майя.

– Ну да. Как представишь, что все это на вес большевики распродавали... Неприятно. Хотя все-таки не исчезло, и то хорошо. Могли бы просто переплавить все эти барские штучки, с них бы сталось. А так все выставлено, каждый может посмотреть.

Здоровые слова, спокойный тон – это стало теперь такой редкостью, так малоожидаемо это было в общении с незнакомым или едва знакомым человеком, что вполне искупало внутреннюю холодность, которую Майя чувствовала в Арсении.

Стоило ей мысленно произнести это слово, «холодность», как тут же вспомнилось прикосновение его губ, и как ей показалось тогда, что он ел снег с оконного карниза... На

фоне его нынешней сдержанной отстраненности такое будоражащее воспоминание было некстати. Майя поскорее отогнала его.

После десерта – крокембуша, из-за карамельных нитей похожего на новогоднюю елку, – выпили ликер на травах, он слегка ударил в голову, еще приятнее стало сидеть вот так над блестящей внизу рекой и разговаривать о красивых и отдаленных вещах.

Но диджестив – это самый очевидный знак окончания вечера, и странно делать вид, будто ты этого не понимаешь.

Майя достала айфон и сказала:

– Удобно, что такси теперь можно через приложение заказывать.

– Куда ты хочешь ехать? – спросил Арсений.

– Домой.

– Может быть, ко мне?

Что следует отвечать на этот вопрос – «ты в самом деле этого хочешь»? Такой ответ казался Майе верхом пошлости. И потом, она и так видела, что он этого хочет. Впервые за весь вечер она почувствовала в нем желание. Не в разговорах о работе или о путешествиях проявилось его равнодушие к ней, а вот в этом коротком вопросе и в том, как он смотрел на нее теперь.

– Ты на машине? – спросила Майя.

Ей хотелось сказать что-нибудь необязательное, и спокойным тоном. Ей было это необходимо.

– Такси вызову.

Она кивнула. Встала из-за стола. Вышла, оставив Арсения расплачиваться.

Зеркало в туалетной комнате было искусно состарено на венецианский манер и подсвечено двумя лампочками. От этого Майе показалось, что ее отражение будто из озера смотрит. И, может быть, по той же самой причине, из-за странноватого света, чуть больше волнения она видела в блеске своих глаз, чем чувствовала у себя внутри.

Глава 7

– Быть не может!

Эти слова вырвались у Майи невольно. Вообще-то она не считала правильным открыто выражать свои чувства и тем более выражать их необъяснимым образом. Но когда она вышла из такси на Малой Молчановке, удержаться ей было трудно.

– Чего не может быть? – спросил Арсений.

– Моя бабушка жила в этом доме, – сказала Майя.

Сам по себе такой ответ звучал довольно глупо. Мало ли в каком доме могла жить ее бабушка, почему бы и не в этом? Но сопровождать свой возглас подробным рассказом о причудливой и странной связи бабушкиной жизни с ее собственной было бы сейчас еще более глупо.

– Она так много об этом доме рассказывала, – сказала Майя, – что мне, конечно, странно было увидеть его... именно сейчас.

Арсений ничего на это не ответил. Она поняла, что его это не слишком интересует.

Дом был обнесен высоким решетчатым забором. Они вошли в калитку, поднялись на крыльцо, по обеим сторонам которого стояли львы со щитами. В подъезде все было новое, лифты напоминали космические капсулы, а раньше вообще никаких лифтов не было – бабушка рассказывала, как долго приходилось подниматься на шестой этаж, потому что потолки в квартирах были высокие, и лестничные пролеты из-за этого длинные...

От того, что все здесь теперь по-другому, происходящее перестало казаться Майе странным знаком судьбы. В конце концов, должен же Арсений где-то жить, почему бы и не в Доме со львами на Малой Молчановке?

И даже то, что сразу показалось ей странным в его квартире, тоже имело простое объяснение: здесь шел ремонт. Обои были ободраны, паркет снят, с потолка в прихожей свисала голая лампочка-временка, а у стен стояли мешки со строительным мусором.

– Извини, что так все неустроено. Я здесь новосел, – объяснил Арсений. – Хотел, пока ремонт, квартиру снять, но потом понял, что мне все это в общем-то не очень мешает. И зачем в таком случае лишние переезды? Ремонт прежняя хозяйка затеяла, – зачем-то добавил он. – Я бы не стал.

Подробности ремонта были Майе неважны, но это была хорошая тема для непринужденных расспросов. Все, что связано с ремонтом, всегда и всем интересно, каждый ведь хотя бы раз в жизни ввязывался в эту невыносимую историю.

– Почему не стал бы? Не любишь со всем этим возиться? – спросила она.

– Что значит, люблю, не люблю? Если надо, сделаю, – пожал плечами Арсений. – Но здесь в этом необходимости не было никакой. Хозяйка в квартире почти не жила, отделка была дизайнерская, хороша ли, плоха ли, но новая.

– Тогда зачем ей понадобилось все переделывать? – удивилась Майя.

– Она мне казалась, что любит делать ремонт. Чувствуешь, сказала, что жизнь не стоит на месте.

– О господи! – Майя засмеялась. – Каким же болотом должна быть ее жизнь, если она такую морочку невыносимую считает движением!

– Жизнь у нее как раз довольно бурная, – сказал Арсений. – Она какая-то крупная чиновница, и ее прихватили на взятках. Видимо, неправильно поделилась. Хотя эти подробности меня интересовали только потому, что квартиру она продавала срочно, прямо в разгар ремонта, и на ее спешке мне удалось прилично сбить цену.

Разговаривая таким образом, они прошли по ободранному коридору в дальнюю комнату. Здесь стены уже были оклеены новыми обоями – такими, поверх которых наносится краска, – и висела минималистская люстра из блестящего металла и прозрачного стекла. Из мебели в комнате была только узкая, напоминающая раскладушку кровать.

– Надо было пригласить тебя в гостиницу, – сказал Арсений. – Но я не решился.

– Почему?

Кровать стояла у самого окна – высокого, полукруглой формы. Майя подошла к нему, остановилась. Арсений стоял у нее за спиной, она не оборачивалась. Он был для нее сейчас только голосом.

– Подумал, что ты неправильно меня поймешь и откажешься. А этого мне не хотелось.

Он замолчал. Потом шагнул к Майе. Она по-прежнему не оборачивалась, но теперь он был уже не только голосом, но и руками на ее плечах, и губами, прикоснувшимися к ее затылку.

– Никогда не видел, чтобы женщины закалывали волосы шпильками, – сказал он. – Я думал, это осталось в девятнадцатом веке.

– Нет, почему же? Моя бабушка тоже шпильками закалывала. А это был уже вполне двадцатый век. И шпильки это ее.

Трудно было вот так разговаривать, когда его дыхание касалось ее шеи, а его руки – ее груди, и особенно когда он прихватил и сжал губами мочку ее уха. Он не изменился – его желание по-прежнему было направлено на нее, и холод его губ не изменился тоже, и так же этот холод будоражил Майю, все у нее внутри переворачивал.

В ее коктейльном платье спина была открыта очень глубоко. На плечи при этом набрасывалась накидка из органзы бургундского цвета, модного в этом сезоне. Она постаралась выглядеть сегодня наилучшим образом.

– Не знаю, умела ты нитку заправлять или нет, но одежда у тебя потрясающая, – сказал Арсений.

Слова были обычные, но произнес он их так, как можно было, в Майином представлении, сказать только «я тебя хочу».

– Почему? – так и не обернувшись, спросила она.

– Ткань эта... Прозрачная, а под ней спина голая. Возбуждает страшно. И подол еще. Когда ты шла... Я очень тебя хотел весь вечер.

Все-таки она правильно почувствовала, что он хочет сказать на самом деле. И странно, что не почувствовала этого сразу, когда шла через ресторанный зал к столику, а он смотрел на ассиметричный подол над ее коленями.

Арсений снял с Майи накидку и стал целовать ее голую спину. Она всегда боялась щекотки, но сейчас чувствовала такое возбуждение, что все ее привычки и обыкновения перестали что-либо значить.

Кровать была узкая, это должно было сковывать их, но неожиданно оказалось, что именно это дает такую свободу, какой, может, и не было бы, если бы им не приходилось соединяться, сплетаться в тесноте самым причудливым образом.

Страсть без преград и без стыда – вот что их охватило. Майя, во всяком случае, чувствовала в себе именно это, и это же было сейчас в Арсении, она знала.

Ей не нравилось, что он под нею, это сковывало ее, но он был так настойчив, что она подчинилась его желанию. И как только она сжала коленями его плечи, желание пронзило ее саму – пронзило буквально, так мгновенно и остро, что она вскрикнула. Она не ожидала, что это может произойти так быстро, и ей стало страшно жаль, что все уже кончилось. Вот так, сразу!.. Она чуть не заплакала. Но Арсений потянул ее за руки, заставил наклониться, выгнуться, и она поняла, что ничего не кончилось, все продолжается, и она чувствует его в себе теперь совсем иначе – будоражаще, томительно.

Все это было странно, необычно, и такое новое открывало ей в себе самой, что она отдалась этому открытию полностью, забыв обо всем, что могло бы ее сковывать.

Непонятно, как не развалилась под ними эта то ли кушетка, то ли раскладушка. Оба они не сдерживали себя, и выглядело это, наверное, сокрушительно, но кто же мог видеть их сейчас?..

В абсолютном самозабвении слились они друг с другом и вздрагивали, и трепетали... И замерли наконец без сил.

– Хорошо, что не поехали в отель, – сказал Арсений. – Кровать неудобная, зато от тесноты открылись новые возможности.

Он произнес ровно то, что и Майя понимала, но его слова покоробили ее. Не все она готова была произносить вслух сама или слышать от мужчины.

Майя перекинула через него ногу и встала на пол. Ее прическа снова рассыпалась, все-таки шпильки не были предназначены для таких, в буквальном смысле, потрясений. Они лежали возле кровати, и на одну она даже наступила, уколовшись золотым глазком, которым шпилька была украшена. Это было египетское украшение – Око Уджат.

Арсений тоже поднялся с кровати.

– Ложись, отдохни, – сказал он.

«А ты?» – чуть не спросила Майя.

Но вовремя сообразила, что в таком вопросе нет смысла. Узкая раскладушка не предназначена для того, чтобы отдыхать на ней вдвоем и тем более вместе спать.

– Сварить тебе кофе? – предложил Арсений.

– Мы только что выпили кофе, – ответила Майя.

Они выпили кофе, и вина, и ликера, они сыты, секс произошел, спать вместе невозможно... Двойного решения такая ситуация не предполагает, и обоим это ясно. А ему и с самого начала было ясно.

Но это слишком тонкая материя для упрека, да и к чему высказывать упрек?

– У меня вещи не собраны, – сказала Майя.

– Какие вещи? – удивился Арсений.

– Я завтра уезжаю. А вещи не собраны. И мне в самом деле надо отдохнуть.

Она достала айфон. Свободное такси высветилось на экране сразу, машина была совсем рядом, на Новом Арбате.

Майя оделась. Пока она закалывала свои шпильки, Арсений оделся тоже.

– А куда ты шел тогда, ночью? – спросила она.

– Какой ночью? – не понял он.

– Когда у меня ключ сломался. Меня Нина Цезаревна поселила в свободную комнату, я в окно увидела, как ты из гостиницы выходишь и к Невскому идешь.

– А!.. – вспомнил он. – Да, пошел на Невский. Есть захотелось, а ночные кафе только там.

Объяснение простое, оказывается. А какие у нее были основания ожидать сложного? Майя вспомнила, как он шел по ночной улице, исчезая в весеннем тумане. Чтобы выстроить на этом образе целую картину мира, надо обладать непомерной фантазией. И стоит ли удивляться, что непомерная фантазия не имеет отношения к действительности?

Арсений проводил Майю до такси. Он молчал, и она видела, что он чувствует неловкость. Но теперь она понимала, что в связи с этим не надо огород городить. Ну да, действительно неловко получилось, слишком явно дал понять женщине, что ее присутствие в его квартире имеет четкие временные рамки. Точно такую же неловкость ощущал бы любой сколько-нибудь умный и воспитанный человек, и это именно его характеристики – умный и воспитанный. Только ей-то что от его воспитания и ума?

Садясь в такси, Майя еще раз взглянула на фасад Дома со львами. Бабушка Серафима рассказывала о нем всегда только по внучкиной просьбе, самой ей неприятно было его вспоминать, хотя она и родилась в этом доме, и жила в нем много лет.

– Слишком много здесь было отчаяния, – объяснила она однажды. – Хорошего тоже было много, конечно, молодость сама собою хороша. Но отчаяние сильнее помнится.

Глава 8

Как это странно: ты живешь в доме всю жизнь, но тебя не оставляет ощущение, что он не твой, и даже более того – что никакого твоего дома вообще нет на свете.

Серафима часто ловила себя на ощущениях такого странного рода, и это ее совсем не радовало. Она считала, что к странностям у человека должен прилагаться талант, а если таланта нет, то странности лишь раздражают окружающих, и справедливо раздражают.

О чем-то подобном она думала каждый раз, возвращаясь домой на Малую Молчановку. Серафима так привыкла к этим мыслям, что они возникали в ее сознании лишь мельком и сразу же исчезали.

К крыльцу она подошла одновременно с незнакомым мужчиной, и по ступенькам между львами они поднялись вместе. Он был с чемоданом, значит, скорее всего ему дали ордер на комнату. После войны некоторые жильцы не вернулись из эвакуации, и в Дом, в огромные его коммуналки, то и дело вселяли новых.

Он поздоровался и открыл перед нею входную дверь. Серафима ответила на его приветствие и вошла вместе с ним в подъезд. Хорошо, если ему на второй или на третий этаж:

разговоры ради разговоров с посторонними людьми ее тяготили, но и идти долго молча тоже ведь неловко.

Оказалось, что она ошиблась во всем: новый жилец шел на шестой этаж, как и она, разговоров не заводил, но никакой неловкости при этом не возникало. Вероятно, он был молчалив по натуре, как и Серафима.

– Мы будем соседями, – сказала она, когда остановились перед дверью ее квартиры. – Ведь вы по ордеру вселяетесь?

– Нет, – ответил он. – Соседями, возможно, будем, но ордера у меня нет. Я к Полине Андреевне Самариной. Знаете такую?

Серафима замерла с ключом в руке.

– С ней что-то случилось? – помолчав, спросил он.

То ли он отличался особенной догадливостью, то ли с Серафимой и догадливости никакой было не надо.

– Вы все-таки приехали... – пробормотала она.

– Вы считаете, мне лучше не входить? – быстро спросил он.

– Давайте на улицу выйдем? – предложила Серафима. – Я вам все расскажу, а вы сами решите, что для вас лучше.

Вниз спустились быстро, и так же быстро Серафима пошла по улице к Собачьей площадке. Все, что она могла сказать этому человеку, можно было сказать и прямо здесь, у крыльца, но она была так взволнована, что хотела отдалить этот рассказ.

Он молча шел рядом. Вышли к Дуринову переулку и оказались в сквере, возле клумбы, оставшейся от бывшего здесь прежде фонтана. Зашуршали под ногами сухие листья. Серафима села на лавочку. Он остался стоять.

– Меня зовут Серафима, – сказала она, глядя снизу вверх в его лицо.

– Леонид Семенович Немировский.

На вид ему было лет сорок пять. Или, может быть, пятьдесят. После войны Серафима стала ошибаться с возрастом мужчин. Война их всех переменяла.

Лицо у него было усталое. Но главное, в глазах совсем не было жизни. Это было особенно заметно оттого, что глаза были красивые – необыкновенного темно-зеленого цвета. Как лед на глубокой реке.

– Мы не были близко знакомы с Полиной Андреевной, – сказала Серафима. – У нас был всего один разговор, но очень доверительный. Вернее, только с моей стороны доверительный, она едва ли кому-то доверяла. Но о том, что вы должны приехать, в том разговоре сказала.

Она не решалась сообщить ему главное. Она просто не знала, как такое сообщить, и от волнения говорила какие-то совершенно неважные вещи, и сама понимала, что они не важны, и не могла перейти от них к главному...

– Что с ней? – спросил Немировский.

– Ее убили, – вдохнув побольше воздуха – в носу защипало от острого запаха вянущих листьев, – ответила Серафима.

Она не знала, как он встретит это известие, и не понимала, что может сделать, чтобы ему помочь, поэтому смотрела в его лицо с тревогой. Ей показалось, что он побледнел. Но, может, только показалось – его глаза совсем не изменились, и Серафима понимала, почему: они и так не имели в себе жизни, и что же могло в них измениться от известия о смерти?

– Кто? – спросил Немировский.

– Я не знаю. Милиция сказала, что бандиты. Это было почти на наших глазах, то есть в ее комнате, но когда те двое, что ее убили, бежали по общему коридору ко входной двери, их многие видели. И я тоже.

– Это действительно были бандиты?

Почему он решил, что она может разбираться в таких вещах?

– Думаю, что нет, – помолчав, сказала Серафима.

Немировский сел на лавочку. Потер ладонью лоб. О чем он думает, она не понимала, потому что не понимала, что у него на сердце. Но все-таки считала необходимым сказать этому совершенно незнакомому человеку все, что знала о Полине Самариной и о ее смерти.

– Я не знала, кто она, откуда появилась в нашей квартире, – сказала Серафима. – И не считала себя вправе этим интересоваться. Тем более что мы почти не виделись, она из своей комнаты редко выходила. Но что она иностранка или долго жила за границей, этого нельзя было не заметить. И по одежде, и по манере держаться, и вообще... Она ничего не знала из того, что здесь у нас прежде происходило, а что теперь происходит, не интересовалась. Когда я ей сказала, что идет борьба с космополитами, она очень удивилась. А когда я пояснила, что на самом деле это просто омерзительный антисемитизм, то она встревожилась. Из-за вас, – пояснила Серафима.

– Почему вы решили, что из-за меня?

Немировский посмотрел удивленно. Точнее, в его взгляде на мгновение мелькнуло что-то живое, и Серафима решила, что это, вероятнее всего, именно удивление.

– Полина сама мне сказала, – ответила она. – Что вы должны приехать к ней из Вятки, что она сама вас сюда позвала, потому что считала, что вы незаурядный врач и вам незачем хоронить себя в глуши...

О том, что Полина сообщила ей о своих близких отношениях с незаурядным вятским врачом, Серафима рассказывать не стала. Зачем? Может, ему будет неприятно, что посторонний человек осведомлен об интимных подробностях его жизни.

Но, кажется, он менее всего думал сейчас об этом.

– Вы уверены, что ее действительно... Вы видели ее мертвой? – спросил он.

– Да.

Серафима судорожно сглотнула. Невыносимо было вызывать в памяти картину всего лишь месячной давности: нож на полу, кровь, все залито кровью, и не верится, что загадочная, как на картине да Винчи, улыбка светилась прежде на Полинином лице, которое теперь так страшно исказила смерть... Не изгладилась она еще в сознании, та картина, – все вспомнилось мгновенно, и ужас той минуты, когда Серафима вбежала в комнату Полины и увидела ее мертвой, вспомнился тоже.

– Извините, – сказал Немировский. – Сядьте.

Серафима и не заметила, что вскочила с лавочки. И вид у нее, наверное, стал такой, что он забеспокоился.

– Да-да, – виноватым тоном сказала она, садясь. – Это вы меня извините, просто... Ее убили... очень жестоко.

– Они по-другому не умеют.

Серафима не знала, что ответить. Те двое, что убили Полину Самарину, стояли у нее в памяти так же ясно, как мертвое лицо убитой. Один из них еще мог сойти за бандита выражением тупой жестокости, но второй, безусловно, относился к тем, кого Немировский назвал «они».

Ничего не зная о своей недолгой соседке, Серафима понимала, что та принадлежит к категории людей, занятых опасным и двусмысленным делом. Приязнь, которую она испытывала к Полине, была совершенно безотчетной, ничем не подкрепленной – это был просто восторг перед явлением загадочной ее красоты. И смерть ее тоже явилась в чистом виде, вне зависимости от всего, что могло быть связано с Полиной, и такое неприкрытое, голое, жестокое явление смерти ужасало особенно.

– Она работала на них за границей, а потом они ее убили, – сказал Немировский. – Я понимал, что этим кончится, но остановить ее не сумел. Да она и сама все понимала, – добавил он, помолчав. – Видимо, нельзя уже было остановиться.

«Вы совсем не обязаны мне что-либо объяснять», – хотела сказать Серафима.

Но тут же подумала, что такие слова могут его обидеть, и промолчала.

– Что ж, спасибо, – сказал Немировский. – Я пойду.

– Куда? – спросила Серафима.

– В минздрав. Надо получить назначение на работу.

– То есть вы не уедете обратно?

Тут же она подумала, что вопрос прозвучал как-то радостно. Радость была сейчас совершенно неуместна, и Серафима смутилась.

– Не знаю, – пожал плечами Немировский. – Как решат.

«Мне все равно», – этих слов он не произнес, но в его глазах они видны были ясно. Как листья, вмерзшие в лед.

– Но не с чемоданом же вам идти в минздрав, – сказала Серафима.

– Почему? Можно и с чемоданом.

Чемодан был и небольшой, и неказистый – потертый, с тусклыми металлическими уголками. Вероятно, в нем помещалось все имущество Немировского. Серафима не понимала, почему ей так кажется – пальто у Леонида Семеновича было не роскошное, но аккуратное, даже элегантно, и, хотя он не производил впечатления богатого человека, нищим точно не выглядел.

Усталостью и неприкаянностью от него веяло, вот в чем дело.

– Все-таки, – сказала она, – мне кажется, будет лучше, если вы оставите чемодан пока у меня. И хотя бы выпьете чаю.

Она хотела сказать «пообедаете», но вспомнила, что обеда у нее нет, да и чаю, вероятно, не осталось, но чаю-то можно попросить на одну заварку у кого-нибудь из соседей и подать к нему галетное печенье, оно есть точно, сегодня она ела его на завтрак.

– Это меня несколько не обременит, – поспешила добавить Серафима.

Она боялась, что Леонид Семенович откажется. Смерть Полины соединила их горестным и странным образом, поэтому ей трудно было представить, что они расстанутся сейчас и не увидятся больше никогда.

– Спасибо, – сказал Немировский. – Зайду.

Глава 9

Чаю в буфете действительно не нашлось, но, когда Серафима оставила Немировского у себя в комнате и вышла в кухню, там обнаружилась соседка Таисья. Ей было лет восемнадцать, она была не по возрасту злобной и не по возрасту же запасливой. Серафима считала эти ее черты естественными: Тайка была деревенская, и кто знает, что ей пришлось пережить, прежде чем она попала в Москву. Может быть, еще и слишком мягкой она осталась после пережитого.

– А когда отдашь? – спросила Тайка, когда Серафима попросила у нее чаю на одну заварку.

– Завтра же куплю.

– Ага, куплю!.. Мой чай хороший, у надежных людей беру, а ты – куплю! Жмых апрельский ты купишь, а не чай.

Глаза у нее были необычные, ярко-желтые, будто у рыси, и нельзя было прочесть во взгляде этих загадочных глаз, о чем она думает, что ей дорого, на что она способна и

не способна. Серафима давно поняла это про нее и теперь лишь мимолетно отмечала при каждой встрече, что Тайка не изменилась да и, наверное, вообще не способна меняться.

– Давай я тебе деньги за чай отдам? – предложила Серафима. – Купишь сама, какой тебе нравится.

– Давай, – согласилась Тайка. И спросила с любопытством: – А кого ты там привела? Мужчину своего?

– Это знакомый покойной Полины Андреевны, – снимая с примуса закипевший чайник, ответила Серафима. – Я его сегодня увидела впервые в жизни.

В то недолгое время, что Полина жила в Доме со львами, Тайка была у нее домработницей, а после Полининой смерти вернулась посудомойкой в пельменную. Серафима ожидала, что она начнет расспрашивать подробности – что за знакомый, откуда взялся и прочее в том же духе, – но Тайка повела себя неожиданным образом.

– Немировский, что ли? – ахнула она. – Леонид Семеныч?

– Да, – удивленно сказала Серафима. – А ты откуда его знаешь?

– Да как же не знать, когда мне из-за него комнату полинандревнину не дали?! – воскликнула Тайка. – Как она померла и комната ее освободилась, я сейчас в домоуправление – за что ж, мол, Шурке Сипягиной, какая она инвалидка, да на ней пахать можно, вы мне комнату передайте, или я не человек, всю жизнь в кладовке так и промучаюсь, а у Шурки и своя комната хорошая, а если что, так вы ей Вячеслав Александрыча комнату выделяйте, ей и того много, а я...

– Та-я! – воскликнула Серафима. – Остановись, прошу тебя! При чем Леонид Семенович к твоей комнате?

– Да не к моей! – всплеснула руками Тайка. – Его это комната, говорю же! Побегала, говорю, в домоуправление, а мне там: никому эту комнату не выделим, потому как в ней гражданин Немировский прописан, Леонид Семенович, покойная Самарина его при жизни прописала, а уж как оно ей удалось, за какие заслуги, того нам знать не положено.

С Полиной было связано так много загадок, что все относящееся к ней вообще-то не должно было вызывать удивления. Но сообщенная Тайкой новость изумила Серафиму.

– Ты точно это выяснила? – несмотря на свое изумление, все-таки спросила она.

– И ты бы точно выяснила, ежели б без комнаты оставалась! – хмыкнула Тайка. И с презрением добавила: – Хоть ты, может, и не заметила бы. Есть комната, нету ее – что тебе? Блаженная.

Она никогда не проявляла к Серафиме уважения, постепенно становилась все нахальнее, а эти ее слова были уже самым настоящим хамством. Серафима была не из тех, кто мог бы ее окоротить, это Тайка понимала.

Однако выяснять отношения с нахальной девчонкой не хотелось, и в особенности теперь – следовало поскорее сообщить Леониду Семеновичу ошеломляющее известие.

Выслушав его, Немировский, впрочем, ошеломления не выказал.

– Зачем она это сделала? – только и сказал он.

– Возможно, она предполагала... – проговорила Серафима.

И замолчала. Слишком тяжело было сознавать, что женщина молодая, красивая жила с сознанием своей скорой и неизбежной смерти, и такое сознание не только не лишило ее сил, но наоборот – заставило действовать с продуманной рациональностью.

«Как же он будет жить после нее? – подумала Серафима. – Кто с ней сравнится, кто может ее заменить?»

От такой мысли ей сделалось неловко, и она поспешила сказать:

– Леонид Семенович, я думаю, вам стоит самому сходить в домоуправление. Таисья могла что-нибудь перепутать. Хотя...

– Сейчас пойду, – кивнул он. – Хотя ничего она не перепутала, конечно.

Он поднялся со стула. Его лицо оказалось прямо перед Серафиминим. Речной, ледяной цвет его глаз снова поразил ее, но еще более поразил жар, в который ее бросило от его взгляда.

Ее охватила растерянность, даже паника. Она не знала, что сказать или сделать. Ей хотелось, чтобы Немировский шагнул в сторону и избавил ее от этой паники, но если бы он сделал этот шаг, она бы, возможно, разрыдалась.

Раздался стук, дверь тут же открылась, и на пороге появилась Тайка. Полина, смеясь, говорила, что сумела внушить ей правила цивилизованного поведения лишь отчасти: стучаться в дверь научила, а дожидаться, пока позволят войти, уже нет. И объясняла, что привить Тайке какие-либо человеческие представления в полной мере не удастся никому и никогда – вечно будет одна видимость и вежливости, и ума, и доброты, а доброты, впрочем, даже и видимости не будет.

– Ключ держите, – сказала она. И хмуро добавила, исподлобья глядя на Немировского своими рысьими глазами: – От комнаты вашей.

– Спасибо, – сказал Леонид Семенович.

Наверное, Тайка думала, что он станет выспрашивать у нее какие-нибудь подробности, а когда поняла, что расспросов не последует, в ее взгляде появилось что-то похожее на интерес к нему.

– Ремонт придется делать, – сказала она. – Все обои в крови, и в паркет въелась, попробуй отдрай.

Серафима вздрогнула от ее будничного тона. Немировский взял у Тайки ключ и пошел к двери.

– Я покажу, которая комната, – с готовностью сказала Тайка и поспешила за ним.

Серафима не могла представить, что когда-нибудь сможет войти в Полинину комнату снова. Но раз уж она пришла вслед за Немировским и Таей, а дверь открыта, то неловко ведь топтаться у порога.

Комната стала неузнаваема. Серафима не знала, что из нее вывезли всю мебель, да и не только мебель, а вообще все, что Полина успела купить в Москве или, может быть, привезла с собой из-за границы: китайские напольные вазы, французские эстампы в тонких серебристых рамах, фигурки мейсенского фарфора, даже особенный итальянский кофейник, в котором она варила кофе на спиртовке. Кто увез все это отсюда, когда? Впрочем, никакой тайны из этого, наверное, и не делали: вывезли однажды днем, не скрываясь, а Серафима просто была в это время на работе. Может быть, старшая по квартире, Шура Сипягина, даже рассказывала потом об этом, но Серафима настолько приучила себя не слышать Шуриных кухонных речей, что могла и пропустить ее рассказ.

Немировский курил, стоя у полукруглого окна. Папа когда-то вот так же стоял на этом самом месте и курил так же, думая о своем; Серафима запомнила. Только мама ругала папу, что курит в комнате, а ей, конечно, и в голову не пришло бы ругать за это Леонида Семеновича.

«Что за глупость! – подумала она. – Ну какая связь?»

– Если ремонт делать не хотите, так я могу и отмыть, – заискивающим тоном сказала Тайка. Она стояла в углу и смотрела Немировскому в спину. – Насчет денег договоримся, по-божески возьму.

Он не ответил и не обернулся.

– Тая, уйди, пожалуйста, – попросила Серафима.

– Я-то уйду, – хмыкнула Тайка. – А полы тут драить ты, что ли, будешь?

Если бы в комнате была одна Серафима, то, выходя, Тайка, наверное, хлопнула бы дверью. Но при Немировском не стала. С кем и что можно себе позволить, она разбиралась мгновенно.

«Может, и мне надо уйти? – растерянно подумала Серафима. – Я мешаю ему?»

– В Вятке она все равно не осталась бы, – сказал Немировский, не оборачиваясь. – Я ее там не удержал бы.

– Почему?

Серафима обрадовалась, что он сам заговорил о Полине.

– Потому что она меня не любила.

– Но как же...

– Так. Не любила. Для меня это было очевидно, да она и не особенно скрывала. Ее и в Вятку случайно занесло, и ко мне случайно прибило. Она от них попыталась уехать. В момент отчаяния, поэтому довольно бестолково, что вообще-то ей свойственно не было. Вскочила в вагон на Ярославском вокзале и поехала по Транссибу, буквально в белый свет. По дороге у нее случился аппендицит, ее сняли с поезда, доставили к нам в больницу. А потом наша медсестра поселила ее у своей знакомой. В келье, в Трифоновом монастыре, там коммуналка теперь. И я оказался ее соседом. Случайным, но для того чтобы за меня зацепиться, случайности было достаточно. И ей, и мне – мы на это смотрели одинаково.

«Зачем он мне все это говорит? – в смятении подумала Серафима. – Этого не надо!»

Она хотела даже вслух ему это сказать, но язык не повернулся.

– Я не понимаю, что чувствую сейчас, – сказал Немировский. – В ней было много жизни, и когда она пришла ко мне ночью, мне показалось, что-то еще возможно. Вот, вышло, что нет.

– Но... – пролепетала Серафима. – Вы ведь начнете работать, у вас будет новая жизнь, и...

Это прозвучало так жалко и глупо, что она замолчала на полуслове.

– Новая жизнь? – Немировский наконец обернулся. На фоне окна Серафима видела только абрис его лица, а черты были неразличимы. Это было даже хорошо, потому что значило, что не бросит ее в жар от холода его глаз. – Думаю, ничего нового уже не будет, и ладно. А работать – да, конечно. Наркомания такого рода полезна для окружающих.

«Он редко бывает откровенен, – подумала Серафима. – Но сейчас говорит то, что чувствует».

Она не понимала, каким образом об этом догадалась. Но почему-то знала это точно.

– Вам здесь в самом деле опасно сейчас, Леонид Семенович, – сказала Серафима. – В Москве просто вакханалия антисемитизма. Как это отвратительно, боже мой! Всего два года прошло после войны, после всего...

«Зачем я это говорю?! – ужаснулась она. – А вдруг он скажет: в самом деле, лучше мне вернуться обратно в Вятку?»

Но нечестно было бы не предупредить его, и она продолжала:

– У нас в библиотеке – я в научно-технической библиотеке работаю – уволили директора. Только за то, что он еврей. Никто особенно и не скрывал причину, даже наоборот. Было такое омерзительное собрание, я его с содроганием вспоминаю. Какой-то поток безумия. Я сначала подумала, это всё заранее готовили, но нет, я бы все-таки знала. Все спонтанно, но так вдохновенно, как по нотам. То есть да, я понимаю, может быть или вдохновенно, или по нотам, но было вот именно это вместе. – Серафима приложила руку к губам, чтобы они не дрожали. – Поверьте, я много видела, как унижают людей, да и все мы это видели и давно уже поняли, что не в наших силах что-либо с этим поделать. Но на том собрании... У всех глаза горели, когда они говорили о Якове Ароновиче невообразимые мерзости. Он слушал, слушал, лицо у него стало белое, и вдруг он говорит: «Павел Николаевич, что же ты плетешь? – Это заместитель его, Павел Николаевич, – пояснила она. – Мы же, говорит, с тобой вместе воевали, ты же со мной в Москву с фронта приезжал сына моего хоронить, Женьку моего, над могилой его со мной стоял – и ты говоришь, что я за чужими спинами в войну

отсиживался?..» А я его Женю знала, чудесный был мальчик, он на фронт буквально сбежал, хотя у него близорукость была ужасная и в армию его не взяли, а он в ополчение, в сорок первом, и сразу же погиб под Волоколамском... Все замолчали, когда Яков Аронович это сказал, мертвая стала тишина. А Павел Николаевич знаете что ему ответил? «Не-у-бе-дительно! Неубедительно, – говорит, – вы оправдываетесь, гражданин Браверман». Я никогда не привыкну, что люди на такое способны, – помолчав, чуть слышно произнесла она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.